

Анархистская антропология: У кого наша власть?

Петер Нидерштайнер и Фалько Цеммерих

2007

Оглавление

Пётр Кропоткин: Взаимная помощь вместо «зуб за зуб»	3
Марсель Мосс и его влияние на анархистскую антропологию	4
Пьер Кластре: Общественные учреждения против иерархии	4
Гарольд Барклей: Анархия на политическом уровне эгалитарных обществ .	5
Дэвид Грэбер: Открывать, исследовать анархические структуры и, по воз- можности, развивать	6
Методика анархистской антропологии и её родство с этнологией действия .	8

Поле анархистской антропологии ни в коем случае не ново для этнологии, но как обычно, отсутствует однозначное определение. Вместе с представителями различаются и области исследований и методы. Мы же хотим попытаться дать небольшое введение в теорию, методологию и историю анархистской антропологии. Для начала мы хотим предложить определение анархизма, составленное Петром Алексеевичем Кропоткиным, к которому мы сначала и обратимся, и использованное в 1910-м году энциклопедией Британника:

«Anarchism: The name given to a principle or theory of life and conduct under which society is conceived without government — harmony in such a society being obtained, not by submission to law, or by obedience to any authority, but by free agreements concluded between the various groups, territorial and professional, freely constituted for the sake of production and consumption, as also for the satisfaction of the infinite variety of needs and aspirations of a civilized being [...]».

Менее идеологическое определение даёт лингвист и политический интеллектуал Ноам Чомский на вопрос, как выглядит его личный анархизм: «В моих глазах абсолютно правильно во всяком аспекте жизни обнаруживать и чётко обозначать соответствующие авторитарные, иерархические и определяющие власть структуры, а затем спрашивать, являются ли они необходимыми [...] Это я всегда понимал как эссенцию анархизма». (Чомский: Политическая экономия прав человека)

Короче говоря: обнаруживать, ставить под вопрос иерархии, и по возможности — упразднить.

Пётр Кропоткин: Взаимная помощь вместо «зуб за зуб»

Русский естествознаватель и политический теоретик выступает со своей вышедшей в 1902-м году книгой «Взаимная помощь в мире животных и у человека» против царивших тогда тезисов социал-дарвинизма вокруг Герберта Спенсера тем, что он пытался доказать, что мир не обречён на вечное состояние войны, и лишь сильнейшие и самые приспособленные могут выжить. Без взаимной помощи, пишет убеждённый эволюционист Кропоткин, многие виды были бы не в состоянии развить столь большие популяции. Свои красочные, зачастую очеловечивающие описания, например, гнездовых объединений морских ласточек и гусей в Сибири или страстной защиты своего дома муравьями-солдатами он подкрепляет отдельными примерами того, как отдельное животное, целый вид и, как минимум, вся экосистема извлекает выгоду из взимовыручки в мире животных. На этом фоне он исследует «взаимопомощь у дикарей», «взаимопомощь у варваров», например, общинную работу у кабиллов и бурятов, «взаимопомощь в средневековом городе», например, порядок гильдий свободных городов, деревенский поселения и т.д., и взаимопомощь своего времени, которая для него воплощается в товариществах, народных восстаниях, объединениях рабочих, но и в обычаях повседневности.

Кропоткин развивает свою теорию анархизма тем, что рассматривает не «вульгарно-дарвинистский» принцип борьбы всех против всех, а взаимную помощь

как принцип человеческой эволюции, а исходя из него – институты, организующие солидарность и совместную работу. Несмотря на укоренённый в его времени эволюционистский подход, его большим достижением остаётся доказательство того, насколько важны те элементы кооперации и помощи для успешного функционирования человеческих сообществ. Его теория до сих пор оказывает влияние на исследователей природы и культурологов.

Марсель Мосс и его влияние на анархистскую антропологию

Несколько лет спустя Марсель Мосс развил подобные революционные мысли и спровоцировал своей критикой homo oeconomicus интеллигенцию своего времени. Мосс сам не относится к представителям анархистской антропологии, но всё же долгосрочно повлиял на оных своей опубликованной в 1925-м году работой «Очерк о даре». Он пытался вскрыть структуры, функционирующие по ту сторону государственности и рыночного принципа. При этом Мосс концентрировался на области экономики. Он обращает своё внимание на элемент взаимности (реципрокности) и показывает, подобно Брониславу Каспару Малиновскому, что человеческое хозяйствование не обязательно и не везде нацелено на экономическую прибыль. Напротив, существуют «экономики дарения», в которых такое стремление к прибыли отвергается.

Пьер Кластре: Общественные учреждения против иерархии

В 1970-х годах Пьер Кластре произвёл фурор своими провокативными тезисами против западно-государственного мышления. В своём опубликованном в 1974-м году труде «Враги государства» он исследует южно-американские общества на счёт того, на сколько они организуются так, чтобы не допускать государственных структур и «принуждающую» власть. У многих групп южно-американских индейцев существует политическая власть без приказа и подчинения. Эти общества пытаются предотвратить возникновение иерархии и принуждающее насилие. Они обладают культурными институтами, предотвращающими концентрацию власти и жёстко контролирующими избранного всенародно вождя. Интересно так же и понимание понятия природы у Кластре. Для определённых южно-американских сообществ верно, что они видят власть и принуждение связанными напрямую с действующими в природу законами, и последние стали бы тогда угрожать их культуре. В этом – противоположность понимания западных завоевателей, которые сопоставляли природу с отсутствием порядка и иерархии, из чего делался эволюционистский вывод, что люди, как это водится в природе, перебили бы друг друга, и лишь иерархическая «культура» могла бы обуздать природный закон дикарей.

Даже если Кластре упрекали в определённом романтизировании (Graeber: *Fragments of Anarchist Anthropology*) и считали, что он видит только то, что хочет

видеть, например, он выпустил из виду угнетение женщин и убийство детей, но всё же Марсель Мосс, концентрировавшийся на области экономики, и Пьер Кластре, занимавшийся скорее областью политики, сделали похожий шаг, чтобы показать структуры, лежащие по ту сторону западных государственных схем мышления и функционирующие эгалитарно.

Гарольд Барклей: Анархия на политическом уровне эгалитарных обществ

«Но хотя из всех теорий наибольшую симпатию к сообществу выказывает анархизм, он не направлен против структуры, порядка или общества» (Barclay, *People without Government: An Anthropology of Anarchy*).

Гарольд Барклей пытается в 80-е годы в своём труде «Народы без правительства» показать структуры, выпадающие из схемы государственности, объясняющие альтернативные формы организации, могущие охватить человеческую жизнь в её организации и порядке, не придерживаясь государственных или иерархических принципов. Исходя из своей теоретической позиции, которую мы, скорее, отнесли бы к *british social anthropology*, Барклей фокусируется на политических структурах сообщества.

При этом он чётко разделяет понятия «анархизм» и «анархия» и понимает под анархизмом, скорее, социально-политическую теорию 19-го столетия, а под анархией – научно-аналитическое понятие, пригодное для того, чтобы объяснять реальные структуры, которые анархизм как раз и хочет создать.

Таким образом, он создаёт континуум с двумя полюсами – анархией и архией. С одной стороны, анархия означает отсутствие государства и правительства, и, напротив, при архии на другом полюсе этого континуума однозначно есть правительство и государство. Все примеры обществ и сообществ можно разместить в серой зоне между этими двумя полясами, при чём всегда можно указать тенденцию к одному или другому полюсу. «Ни анархия, ни анархистская теория не выступают принципиально против организации, авторитета и политики или против политической организации. Скорее, они направлены против определённых их проявлений, в особенности против закона, правительства и государства». Барклей хотел бы обратить внимание на формы человеческой организации, находящиеся по ту сторону государственных структур, и называет их эгалитарными. Разумеется, с далеко заходящим ограничением, что для него тоже формы угнетения более молодых и женщин могут быть частью анархических и эгалитарных сообществ.

Анархия, таким образом, обозначает лишь «[...] сообщество без власти и правительства, [...] но не должно обязательно означать свободу».

Общественные санкции действуют и в анархических и в архических сообществах, только в первых они, скорее, диффузного и религиозного характера, а во вторых – расширены до форм легальных функций. Барклей концентрируется на исследовании этнографических примеров и пытается выяснить, на сколько они представляют собой анархические сообщества. Он рассматривает при этом такие сообщества, ко-

торые сегодня либо вообще не существуют, либо уже подвязаны в государственные структуры. Со своей попыткой найти аналитические примеры он был наиболее успешен у (исторических) охотников и собирателей (эскимосы, сан, пигмеи, австралийские охотники и собиратели), но и земледельцам (лугбара, конкомба, тив, плато-тонга), пастушьим народам (нуер) и аграрным обществам (имазиги, сантал), а также свободным городам Средневековья он приписывает анархистский тип.

Даже если это подразделение отчасти может быть оспорено, Барклею нужно отдать должное, меньше – за то, что он открыл новые структуры, находящиеся по ту сторону государства, но прежде всего – за ясное и чёткое представление многочисленных примеров этнологической литературы. Его понятие анархии при этом очень аналитическое и ограничено областью политического, равно как и, в первую очередь, этнологическими примерами.

Дэвид Грэбер: Открывать, исследовать анархические структуры и, по возможности, развивать

Одним из умов, который бы порадовался нашему введению к этому тексту, является Дэвид Грэбер. В настоящее время ещё профессор Йельского университета, своей изданной Маршалом Сэлинсом в 2004-м году книгой «Фрагменты анархистской антропологии» по новой начал дискуссию о методах и теории антропологии. Для Грэбера анархизм – это не просто утопия, он существует на протяжении всей человеческой истории. Подобно Кропоткину в своё время, он исследует современность в поисках примеров объединения, чьей основой является отсутствие иерархий. В отличие от Барклея, он интересуется не только политическим уровнем, но и требует, среди прочего, исследования экономической системы, литературы или организации добровольных услуг в иерархических структурах.

Согласно его взглядам, анархистские формы организации, супротив общественному мнению, широко распространены, но не находят признания, либо ускользают общественного сознания, т.к. они, как правило, возникают в небольших и просматриваемых рамках. Его тезис напоминает теорию Питера Лэмборна Уилсона (alias Хаким Бей) о временных автономных зонах (В.А.З.). Под В.А.З. Уилсон понимает кратковременное свободное пространство, где законодательная власть теряет своё прямое влияние и, тем самым, освобождается место для несвязанного, вольного развития. Примерами В.А.З. являются фестивали, спонтанные захваты или изменения назначения зданий и общественных мест, но также карнавалы или вальпургиева ночь. Такие, сравнимые с В.А.З. сети являются для Грэбера не только политическим требованием, но они во множестве существуют в повседневности, в различных формах и не привязаны к месту. Наше введение должно дать некоторое представление о том, как сети взаимовыручки пронизывают нашу повседневность, супротив научному убеждению, что в будущем индивидуализация отчуждение будут увеличиваться. Будут ли выброшенные люди современности, как их описывает Зигмунт Бауман в своей книге «Wasted Lives. Modernity and its Outcasts», защищаться? Грэбер бы отчасти с этим согласился и рассматривал бы людей, которые в системе глобализации относятся к проигравшим, как зачаток разложения нашего сегодняшнего порядка. Массовая

миграция, терроризм, восстания и сопротивление против сомнительной практики всемирно орудующих концернов служили бы примерами. Как «counterpower» он обозначает феномен, когда всякое общество живёт в противоречии к самому себе и, поэтому, носит в себе своё разложение. Одновременно counterpower создаёт институты, чтобы защищаться против владычества и власти. Эта идея принадлежит Кластре, но в сегодняшнем обществе труднее заметна. Исследовать именно её – потребовал бы Грэбер от анархистской антропологии. То, что этот принцип нельзя свести к нашему обществу или только к небольшим группам, доказывают такие примеры, как южно-мексиканская ELZN, сеть критиков глобализации Attac или нарастающее значение вики-ресурсов в интернете. Но и назначенные Джорджем В. Бушем «враги свободы» Al-Qaida (базис, основа) поняли, какие преимущества даёт сеть с шефами-идеологами, но без шефских этажей.

Грэбер не стесняется ясно обозначать свою поддержку тех, кого он называет «little guys». Он требует чёткой политической теории, но избегает идентификации с анархистскими классиками вроде Бакунина или Прудона. Вместо этого он даёт понять, что *asambles barreales*, созданные в 2002-м году после краха национальной экономики в Аргентине, обладают более высоким уровнем участия отдельного человека, чем парламентские демократии, т.к. они (*asambles barreales*) основаны на консенсусе.

Антропология особенно пригодна для раскрытия альтернативных структур, т.к. это единственная последняя наука, которая занимается негосударственными сообществами и показывает, что государство присутствует лишь в очень коротком периоде человеческой истории. Твёрдое убеждение западных наук, которые не только исходят из того, что государство является высшей формой политической организации, но и что просто жизнь без государства невозможна, т.к. закончится в братоубийстве и хаосе, Грэбер просто рассматривает как неверное. В дальнейшем, антропология должна неустанно повторять, что государство и нация являются «*imaginary totality par excellence*», как их описал ещё Бенедикт Андерсон в 1983-м году, т.е. общественное представление о взаимной принадлежности, которое хотя и обладает влиянием на реальность, но само существует лишь в головах людей (Anderson, Benedict, *Imagined Communities*). В природе нет ни гражданства, ни государственных границ. Эта категории существуют только в человеческих головах и проявляются в символах и ритуалах. Лишь твёрдая вера в «*Imagined Community*» заставляет нас считать, что мы родились как «немцы» и принадлежим этому к народу. Так, Грэбер выступает, подобно Кропоткину против социал-дарвинизма, против государственности как непоколебимой догмы.

Хотя у людей в эпоху палеолита зубы были лучше, чем у среднестатистического американца сегодня, он отрицает примитивизм, т.к. путь «назад» просто невозможен и мы должны принять реальный мир таким, какой он есть.

Подобно этнологии действия, которая будет описана подробнее в следующей главе, Грэбер видит ещё одно поле исследований в раскрытии иерархий и их критике, а так же в критике государства вообще и создании альтернативных ему моделей. В наёмном труде, например, он усматривает современную форму рабства и предлагает её упразднение. Он указывает на альтернативу, но избегает твёрдых программ тем, что указывает на классическое предложение анархизма равномерного распределе-

ния задач с равным обеспечением и смелые прогнозы о перенятии «зной» работы техникой.

Дэвид Грэбер предлагает в своих «Фрагментах анархистской антропологии» множество пунктов для критики. Даже если он пытается защититься выражением «фрагменты», сложно понять, почему он на 105-и страницах лишь бегло касается такого количества тем, которыми этнология и анархизм занимаются на протяжении десятилетий. Тем самым он зачастую ставит больше вопросов, чем сам может дать ответов. С другой стороны нужно отдать ему должное за то, что он связывает идеи, додумывает их и занимает ясную контр-позицию к некоторым убеждениям этнологии и общества.

Методика анархистской антропологии и её родство с этнологией действия

Как же выглядит методологическое применение анархистской антропологии? С какими уже известными способами мы могли бы его сравнить? Какие этические сложности заключаются в таких методах?

Анархистская антропология, согласно Дэвиду Грэберу, особенно годна для того, чтобы вскрывать структуры и альтернативы по ту сторону иерархии и государственности, не только потому, что этнология уже традиционно занималась негосударственными сообществами, а именно из-за способа действия, позволяющего добраться до скрытой символики и моральной и прагматической логики, которые определяют действия людей, тем, что этнолог посредством наблюдения и участия раскрывает альтернативы иерархической структуре государства, которые он в противном случае не разглядел бы. Тем, что он формулирует такие альтернативы, он может сделать их полезными и для своих действий, чтобы подготовить почву для более справедливого и более свободного общества (Graeber: Fragments).

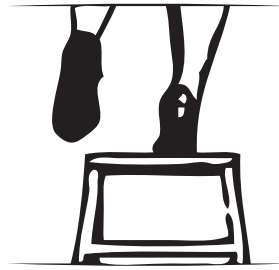
Активизм анархистской антропологии сильно напоминает основные положения этнологии действия. Антропология действия или action anthropology была этнологическим направлением исследований, которое началось с проведённым в 1948-58 гг. проектом «Фокс» Sol Tax. Даже если этот проект потерпел крах, то были получены теоретические и практические знания, определившие многочисленные исследования после. Согласно Sol Tax, этнологи действия претендовали на то, чтобы помогать группе, где проводятся исследования, т.е. сознательно участвовать в ней, а с другой стороны, получать новые знания из действий, из практики людей (Amborn, Hermann, Handlungsfaehiger Diskurs: Reflexionen zur Aktionsethnologie / Seithel, Frederike, Action Anthropology). Тем, что этнология действия ставит под вопрос свои собственные властные отношения (studying up) и работает в диалоге с людьми, процесс исследования является достаточно открытым, чтобы раскрыть структуры, лежащие по ту сторону собственных привычных представлений.

Многие сообщества, организованные анархически, находятся в открытом противоречии и сопротивлении государству, в котором они функционируют. Государство является, как правило, системой, основанной на эксплуатации и разделении на классы. Возникает ли государство при этом из классовой структуры, как утверждают

ортодоксальные марксисты, или, скорее, из преимущества и принудительной власти отдельных личностей, как это иногда осторожно утверждает Пьер Кластре, остаётся спорным. Скорее всего, эти два аспекта нельзя друг от друга отделить. (Godelier, Maurice, *The Making of Great Men. Male domination and Power among the New Guinea Baruya*).

По нашему мнению, анархистская антропология во времена расширения государственной монополии на власть, продвигающейся попечительства и усиливающегося ограничения свобод индивида во имя общественной безопасности, может оказать ценную помощь обществу. Как средство для раскрытия и критики концентрации власти и злоупотребления ею, она служит так же хорошо, как и для разработки альтернатив.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Петер Нидерштайнер и Фалько Цеммерих
Анархистская антропология: У кого наша власть?
2007

Сохранено 22 июня 2013 года: avtonom.org
перевод с немецкого: ndejra

ru.theanarchistlibrary.org